

Человек прошлого нам дорог своей человечностью, проявлениями своей бытийной сущности в простых, вроде бы неприметных чертах. Узнав их, у нас мелькнёт мысль: «Как я...» или «У моих родных похоже...». И в этом нам видится какой-то особенный знак – знак человеческого сродства, побеждающего и время, и расстояния. Не от того ли нас так трогают безыскусные строки древних новгородских берестяных грамот? Или ничтожный в своей «историчности» букетик цветов на саркофаге Тутанхамона? Но в этих мелочах предстают живые люди, их мысли и чувства, истинную ценность которых мы осознаём только спустя столетия. Не золото саркофага и не титул фараона, а простое проявление любви к человеку.

Наверное, в этой бездумной беспечности, порождённой то ли ленью, то ли равнодушием (как тут не вспомнить афористическое высказывание Грибоедова?), корень многих бед человека. А прежде всего – в отчуждении от своего ближнего, от его человеческой сущности. Той самой, которая «как я...» или «у моих родных похоже...». И пока преодолевается человеком это отчуждение, многое может быть безвозвратно утеряно. И найдут ли бережные руки археологов то, что вернёт нам человеческую сущность давно ушедшего из жизни человека – неизвестно.

Всё это заставляет нас бережней относиться к сохранившимся свидетельствам о людях прошлого, ценить то, что спаслось от беспощадной отчуждённости целых поколений. Не от времени – время бесчувственно, это лишь природная форма, как воздух или солнечный свет. А именно от бездумного равнодушия людей.

Вглядываясь в прошлое Донбасса, часто натываюсь то на сумрачные «пятна» беспроглядной неизвестности, то на условный саркофаг показушного возвеличивания, больше скрывающий человеческую сущность, чем говорящий о ней. Увы, титулы, звания, награды порою больше значимы, нежели сам человек – во всяком случае, именно такие стереотипы навязывают обществу. Для чего? Для воспитания честолюбивых дельцов и карьеристов? Тех самых, которым наплевать на народ, его святыни, саму Родину?

И сумрак неизвестности, и саркофаг тщеславия во всей своей полноте предстают в истории старейшего литературного объединения Донбасса – «Забой». Не сотни лет назад, в начале 1920-х годов возникло это литобъединение, положившее начало активному литературному процессу в регионе. Но при этом очень мало известно о начальном периоде существования «Забоя». Многие вытравили кислотой репрессии 30-х годов, стёрла шершавой ладонью Великая Отечественная война. Но не следует забывать и о беспечном и жестоком равнодушии людей, позволивших кануть в безвестность многие факты прошлого. И первое десятилетие существования литобъединения пролетарских писателей «Забой» остаётся нераскрытым. За исключением нескольких имён, возведённых на пьедестал тщеславия господствовавшей тогда идеологией.

Но сохранились книги, сохранились стихи «забойцев», воспоминания участников литобъединения. И они раскрывают, хотя бы частично, перед нами картину напряжённой творческой жизни писателей Донбасса того времени. Простых людей, ещё не добившихся значительных успехов, но живущих художественным словом, постигающих мастерство. И во всём этом – будто яркой вспыш-

кой отражённого солнечного света – предстаёт эпоха, время потрясений и коренного преобразования общества и самого Донбасса.

Конечно, и до возникновения «Забоя» в Донбассе были писатели. Целой легендарной Атлантидой предстаёт перед нами литературный процесс Донбасса до 1917 года. А ведь здесь выходили газеты и журналы – не только на русском языке, но и на еврейском. В одном Луганске было три еврейских издания. Сейчас об этом, как ни парадоксально, мы почти ничего не знаем.

После завершения Гражданской войны в Донбассе выходили газеты, журналы, в которых среди прочего публиковались и стихотворения, и рассказы местных писателей. Главные центры литературной жизни – крупные «старые» города Донбасса Бахмут (с 1924 года – Артёмовск), Луганск, Мариуполь. Но какой-либо упорядоченности литературного процесса не было. Не было центрального стержня – литературного издания, служившего бы сердцевиной литературного процесса. И не было единой литературной организации, выступавшей двигателем литературной жизни.

Но в обществе был высок запрос на перемены. Страна, едва не погибшая в хаосе Гражданской войны, оживала, восстанавливалась. Люди грезили будущим счастьем, верили в него, стремились жить уже сейчас соответственно своим идеалам. Поэтому многие, порою – едва освоив грамоту, пытались писать. Кто-то брал за ориентир классические образцы. Кто-то в вдохновенном самонадеянности творил «так, как никто не творил». Бурно схлестнулись традиционализм и новаторство. Порою новаторство побеждало за счёт юной энергичности и интуитивной спайки с коммунистической идеологией.

После Гражданской войны в Донбассе осели многие люди, ранее жившие в других регионах Российской империи. Они быстро интегрировались в общество Донбасса. После упразднения (путём «забвения») Донецко-Криворожской республики, Донбасс партийным решением большевиков был включён в состав Советской Украины. И со второй половины 20-х годов начинается постепенный процесс насильственной, принудительной украинизации Донбасса. Конечно, украинцев и до 1917 года в Донбассе жило достаточно много, как и в любом другом крупном промышленном регионе России. После Гражданской войны был новый приток украиноговорящего населения, активно трудоустраивающегося на предприятиях «всесоюзной кочегарки». Были среди них и украинские писатели. Но значительной роли в обществе Донбасса они не играли, ориентировались не на жителей Донбасса, а на Харьков (первая столица Украины) и Киев.

В этом отношении неслучайно, что активизация литературного процесса Донбасса, самоорганизация писателей в литобъединение связана с русскими писателями. Инициативная группа, в которую вошли писатели Николай Олейников, Евгений Шварц и Михаил Слонимский, начинает с сентября 1923 года издавать литературный журнал «Забой» – ядро будущего литобъединения, первое исключительно литературное издание Донбасса. А уже в 1924 году в Бахмуте при газете «Всесоюзная кочегарка» возникает объединение пролетарских писателей «Забой».

Смелое решение – затеять издание собственного литературного журнала. Нельзя сказать, что Донбасс был обеспечен литературными кадрами. Скорее – наоборот, не было крупных ни прозаиков, ни поэтов, ни драматургов. Ещё не пробил час Бориса Горбатова, Павла Беспощадного, Ильи Гонимова. Да и многих других ещё не было в Донбассе. Именно потому, когда в начале 1920 года Пролеткульт создал в Луганске организацию под названием «Союз деятелей литературы», то это начинание закончилось фиаско – о «Союзе» мы имеем представление по одной единственной публикации в «Бахмутской правде» за февраль 1920 года. Ещё, значит, не наступило время для творческого порыва, не накопил Донбасс, обессиленный в Гражданской войне, творческих сил.

В 1923 году ответственный секретарь газеты «Всероссийская кочегарка» Николай Макарович Олейников принимает решение организовать литературный журнал. Острое понимание – Донбассу литературный журнал необходим для концентрации творческой молодёжи, для её развития. Для того чтобы ввести в русскую литературу писателей из шахтёрской и рабочей среды Донбасса.

Возможно, идея о собственном литературном журнале существовала и раньше. Но толчком для её реализации послужило появление в тихом Бахмуте двух писателей из Петрограда – Евгения Шварца (тогда едва ли известного литературным кругам Питера, ведь публикаций у него ещё не было) и Михаила Слонимского. Главным редактором первых выпусков журнала стал Слонимский.

Об этой поездке мы многое можем почерпнуть из воспоминаний Слонимского «Вместе и рядом». Два друга, Шварц и Слонимский, решили в 1923 году навестить родителей Шварца, живших тогда

в Бахмуте, губернском центре Донбасса. В Бахмуте они посетили редакцию газеты «Всесоюзная кочегарка». Вот тут-то и поступило им неожиданное предложение: помочь с организацией литературного журнала.

Михаил Слонимский вспоминает об этом: «На Донбассе Шварц начал печататься. Это произошло со всей неизбежностью... “Кочегарка” нуждалась в стихотворном фельетоне, и Женя стал писать рашник. Он подписывался псевдонимом “Щур”... Его “Полёты по Донбассу” имели большой успех». Вот так газета «Всесоюзная кочегарка» и первый литературный журнал Донбасса «Забой» ввели в русскую литературу знаменитого в будущем Евгения Шварца. Слонимский убеждён при этом, что именно работа в донбасском «Забое» выбила все «тормоза», сдерживавшие талант Шварца.

В своих воспоминаниях Слонимский отмечает, что в послевоенные годы Борис Горбатов с большой «нежностью вспоминал о том, как он обязан Шварцу при первых своих шагах в литературе».

Слонимский был в Донбассе несколько месяцев, после чего уехал в Петроград. К концу 1923 года из Донбасса уезжает Шварц. Работу продолжает Николай Олейников, и «Забой» издаётся и распространяется в городах Донбасса. С 1924 года в Донбассе живёт и работает Алексей Павлович Селивановский, он вовлекается в работу по изданию журнала. К сожалению, других участников «Забоя» тех лет установить мы не смогли. Можем только предположить, что уже тогда активным участником «Забоя» стал Борис Леонтьевич Горбатов.

В 1925 году Николай Олейников уезжает из Донбасса – сначала в Ростов-на-Дону, а после – в Ленинград. В Ленинграде он становится видным писателем, пишет стихи для детей, редактирует детский литературный журнал «Ёж» («Ежемесячный журнал»). Входит в круг ОБЭРИУ. В его стихах открывается светлый безбрежный мир – наивный и ясный, такой, каким он предстаёт в сознании детей. Но эта простота – будто костюм актёра, и за маской простака мы видим умный взгляд, таящий внутреннюю силу понимания. Сочетание напускной примитивности с глубинной ироничностью в большей степени проявилось в сатире Олейникова. Он пишет много ироничных стихов, где с добрым юмором, без оскала и цинизма, говорит о бюрократизме и других пороках общества, а порою – о коллегах-писателях.

В Ленинграде совместно с Евгением Шварцем Олейников пишет сценарии для фильмов «Разбудите Леночку» (1934) и «Леночка и виноград» (1935) – с добрым юмором, прищуром смотрит на ребёнка и его постижение жизни. Эти комедийные фильмы и сейчас приятно смотреть. В 1937 году Олейников возглавил детский журнал «Сверчок»... Казалось бы, жизнь может и должна продолжаться. Но рок репрессий обрушился на многие тысячи людей. Олейников в 1937 году был арестован и, как многие, расстрелян. Как и многие, Олейников был реабилитирован посмертно.

С 1925 года журналом «Забой» занимался Алексей Селивановский. После его назначения на должность главного редактора «Луганской правды» он переезжает в Луганск. Сюда же переведено издание журнала «Забой». Энергичный, деятельный Селивановский, умеющий добиваться поставленных целей, привлёк к себе внимание из центра. В 1926 году он переезжает в Москву и работает во Всесоюзной ассоциации пролетарских писателей (ВАПП). Становится одним из крупнейших литературных критиков своего времени, широко публикуется в периодике, активно участвует в литературном процессе СССР. В 30-е годы выходят его книги – «Поэты и поэзия» (1933) и «Очерки по истории русской советской поэзии» (1936)... К сожалению, в трагический 1937 год Селивановский был арестован и расстрелян в 1938 году.

Что было с журналом «Забой» после 1926 года, когда уехал Селивановский? Журнал продолжал выходить в Луганске, во всяком случае, до 1930-х годов. Но более определённые сведения найти трудно. Сохранилось мало, но эти факты говорят о том, что в это время журнал пролетарских писателей пристально следил за большой литературой в Москве и Ленинграде. Ориентиры брались не только на Горького, Маяковского или Багрицкого, как могло бы показаться. Так, в краеведческом музее Луганска хранится один из номеров «Забоя» за 1926 год, на обложке которого портрет Сергея Есенина. Отмечу, что есенинское влияние было велико на лириков Донбасса, как, впрочем, везде в России.

А между тем – в это время литературный процесс в Донбассе набирает обороты. Бурно расцветает талант Бориса Горбатова – писателя и организатора, необычайно одарённой натуры. Большой успех пришёл к Горбатову после публикации в Москве первой повести о комсомольцах Донбасса «Ячейка» (1928). Он много ездит по Донбассу, бывая то в Артёмовске, то в Краматорске, то в Лу-

ганске, завязываются десятки знакомств. По воспоминаниям донбасского писателя Алексея Иона, именно Горбатов помог вовремя заметить редкий самородок – Павла Беспощадного.

В 30-е годы Горбатов уезжает из Донбасса, живёт и работает в Москве и на Урале, службу проходит на Закавказье. Но с родным Донбассом не порывает. В 1930-е годы на донбасском материале он создаёт «Нашгород», разгромленный партийными идеологами и потому «забытый» на долгие десятилетия. В годы Великой Отечественной войны Горбатов пишет о героизме луганчан повесть «Непокорённые». А после войны начинает роман-эпопею с ёмким названием «Донбасс». Увы, болезнь и смерть в 1954 году оставили этот план незавершённым. Как бы то ни было, но Борис Горбатов стал первым крупным прозаиком Донбасса конца 20-х и начала 30-х годов. Его живой портрет запечатлён в замечательных воспоминаниях Константина Симонова. В них Борис Горбатов предстаёт во всей своей энергетической кипучести и трогательной доброте.

Сколько сердечной доброты проливается из произведений Горбатова, сколько отражено в воспоминаниях современников. Всегда он спешил протянуть руку помощи – не только как писательский функционер, прежде всего – как человек. А ведь ему также довелось познать опалу. И не только из-за романа «Нашгород» (о судебном разбирательстве «артёмовского дела»). В 1937 году он сам чуть не попал во «враги народа». Что его спасло – неизвестно. Но в жернова репрессий угодил его родной брат Владимир, возглавлявший в те годы комсомольскую организацию Луганска. Автору этих строк довелось ознакомиться в архиве Министерства госбезопасности ЛНР с делом Владимира Горбатова (№ 4090-р). Обычная трагедия тех лет – бездоказательные обвинения в «террористической деятельности», навешивание ярлыков, быстрый приговор без права (да и времени не было!) на обжалование. И расстрел 20 сентября 1937 года в городе Сталино. Любопытно, что на обращения матери Владимира в 1945 году последовал отказ в пересмотре дела. И только в 1956 году наступила реабилитация...

В 1937 году Борис Горбатов был в Москве. Он лишился работы, над ним нависла угроза исключения из Союза писателей СССР и ареста. Бывшие друзья отвернулись мгновенно – жуткая примета того времени. И в этой страшной обстановке он создаёт свою «Обыкновенную Арктику», пронизанную волшебной силой оптимизма и веры в человека, во взаимопомощь и доброту.

В середине 1920-х годов впервые зазвучал поэт-шахтёр Павел Григорьевич Беспощадный. Его путь в литературу был тяжёл, труден. Преодолевая безграмотность, косность среды, тяготы выживания в разрушенном горняцком крае, Павел усердно осваивал литературный путь. И как уголь давал на-гора стихи – энергетические сгустки шахтёрского бытия:

Мы недаром идём к пластам –
Нам понятен земли устав.

Первая книга Павла Беспощадного увидела свет в 1930 году – «Каменная книга». Почти сразу же она переиздаётся, он становится известным на весь СССР поэтом. Несомненно, именно с этого года – 1930-го – в Донбассе появляется первый крупный поэт.

Лирика Беспощадного сочетает в себе интимность и гражданственность. Внутреннее переживание не утаивается от других, а как бы соотносится с общественным мнением. Безусловно, это отражение своего времени, эпохи. В этой незаикленности исключительно на собственном внутреннем мире – объяснение востребованности поэзии Беспощадного в обществе.

Пытаясь оправдать свой «жестокий» псевдоним (настоящая фамилия поэта – Иванов), Павел Беспощадный заявляет:

Шахтёрский быт и шахты нрав
Поют мои простые губы...
По-моему, я даже прав,
Когда пою немного грубо.

Но во многих своих строках, в самой глубинной сути «Каменной книги» Беспощадный предстаёт во всей полноте своей человечности – любви к ближнему, вниманию к нему, отторжении несправедливости, чёрствости, жадности, жестокости. А в знаменитом стихотворении «Коногон» сколько трепетного света любви проливается коню Стрепету, любимцу умирающего шахтёра: «Мой подземный товарищ Стрепет...» или «Человек ты, мой милый Стрепет». Так прочувствовать глубину шахтёрской души мог только шахтёр и большой поэт.

Павел Беспощадный всю жизнь свою связал с Донбассом. Из родной Парижской Коммуны (прежнее название Перевальска в ЛНР) он переезжает в Артёмовск, после – в Горловку. Жил также в Луганске и Краснодаре. Только во время войны гитлеровцы вынудили его покинуть Донбасс. Но после освобождения Донбасса – Павел Беспощадный в родном краю. Много пишет, широко публикуется. До конца жизни (его не стало в 1968 году) он жил в Горловке, здесь и похоронен. Его значение трудно в полной мере оценить. И при жизни, и некоторое время позже – это было неясно. Но ведь именно его строки мы, донбассовцы, взяли на вооружение в 2014 году, когда ненависть киевской преступной власти обрушилась на свободолюбивый русский Донбасс. Под артиллерийским огнём, при налётах украинской авиации на наши города, во время жесточайшей гуманитарной блокады, устроенной бесчеловечным Киевом, мы твердили жаркие, как пылающий антрацит, строки Павла Беспощадного:

Донбасс никто не ставил на колени
И никому поставить не дано!

В начале 1930-х годов вспыхивает яркой звездой имя прекрасного донбасского поэта Юрия Ароновича Черкасского. Родился и вырос он в Луганске, здесь же в многотиражке паровозостроительного завода «Октябрьский гудок» впервые были напечатаны его стихи. Вся страна была стройкой, весь Советский Союз – будто один муравейник, обитатели которого в едином кипении были заняты преображением мира. Оттого и первая книга Черкасского названа им «Стропила» (1933). В его стихах много звонкого и радостного, чистого и наивного, искренней открытости миру, всей вселенной.

Зачем вы там, на старой улице,
Ведущей к звончатым цехам,
С таким доверьем улыбнулись
Мальчишеским моим стихам?
А что в них было, что вас тронуло?
Знакомый полдень заводской,
Река в мазуте, шум Патронного
И наша песня за рекой?

Эти строки, адресованные друзьям-единомышленникам, возможно, по «Забою», достоверно отражают мироощущение современников Черкасского, их веру в доброту и в то, что мир полон невысказанной радости – творчества, познания, открытия.

Перед Великой Отечественной выходят книги Юрия Черкасского «Отвага», «Жажда», «Лирика», «Мост». А потом, потом оглушающим горем обрушилась война. Ему показалось, что лирике отдавать себя как-то ничтожно мало. Гибли люди – разве русский поэт может стоять в стороне от людского горя? Жизнь требовала – отвагу нужно показывать не в стихах, а на деле. Добровольцем Черкасский уходит на фронт. Погиб поэт смертью храбрых в 1944 году в боях за Советскую Белоруссию.

Но даже если мне застонется,
Друзьям далёким прокричу:
– Пусть будет мука, пусть бессонница,
Другого счастья не хочу, –

с потустороннего берега доносится нам голос Юрия Черкасского, поэта и воина, отдавшего жизнь «за други своя»...

В 1932 году в СССР начинается процесс перестройки деятельности литературных организаций. Под присмотром идеологов большевистской партии создаётся единая писательская организация – Союз писателей СССР, первый съезд которой состоится в 1934 году. Накануне, 23 ноября 1933 года, прошёл Первый съезд писателей и литкружковцев Донбасса. О массовости говорит такой факт – в этом съезде приняло участие 300 делегатов. Нетрудно догадаться, что на местах были многие сотни писателей и тех, кто пробовал свои силы в литературе.

После создания Союза писателей СССР литобъединение «Забой» вливается в единую писательскую организацию. При этом продолжают – в виде литературных кружков – функционировать ячей-

ки «Забоя» в различных городах Донбасса. Известно, что такие кружки действовали в Луганске, Горловке, Краснодоне, Сталино (с 1929 по 1961 год, сейчас – Донецк). Из этих писательских организаций вышли десятки писателей – как украинских, так и, преимущественно, русских. Среди них – Михаил Матусовский, Илья Гонимов, Павел Байдебуря, Николай Упеник, Леонид Жариков, Юрий Чёрный-Диденко, Фёдор Вольный и многие другие.

После 1934 года журнал «Забой» издаётся под другим названием – «Литературный Донбасс». Издаётся он уже не в Бахмуте (Артёмовске) или Луганске (с 1935 по 1958 год – Ворошиловград), а в шахтёрской столице – Сталино. Каким был этот журнал во второй половине 1930-х годов – судить сложно из-за скупости сведений. После Великой Отечественной войны журнал издавался в виде альманаха «Литературный Донбасс», с 1960-х годов стал выходить уже как журнал под названием «Донбасс».

Мы рассказали о наиболее прославленных «забойцах» 20–30-х годов, чьи имена вошли в историю литературы – как Донбасса, так и России. Но ведь были десятки других писателей, кто из всех сил стремился воплотиться в словесном творчестве. Какие они были, типичные представители литературных кружков 1930-х годов? К счастью, ответ на этот вопрос помогает найти книга воспоминаний известного поэта-песенника Михаила Матусовского «Семейный альбом». Сам Матусовский стал посещать литкружок «Забоя» в Луганске с конца 1920-х годов. В книге воспоминаний он оставил штрихи-портреты и Павла Беспощадного, и Юрия Черкасского. Но не менее ценны его зарисовки других участников, не добившихся славы на литературном поприще.

В воспоминаниях Михаил Матусовский отмечает чрезвычайную пестроту луганского литкружка, по его словам, «наряду с людьми бесспорно одарёнными в него входили местные барды, ниспровергатели всего существующего в литературе, доморожденные гении, не поспевающие за изменчивостью столичной моды, и совсем странные люди, без которых не обходится ни один литературный кружок». Как тут не поразиться удивительной точности этого описания! И через сто лет любое литобъединение Луганска или другого города Донбасса – один в один с исчерпывающей характеристикой Михаила Матусовского. Кажется, ничего не изменилось – ни время, ни люди.

«Помню я такого Лапшина, не приспособленного к жизни, не от мира сего, без гроша за душой проживавшего в Поляковском переулке в пустынной квартире с голыми, ободранными стенами, где не было ни стола, ни табуретки, ни вешалки, ни кровати, где всегда пахло грязными носками и на подоконниках навалом пылились книги, посвящённые всевозможным отраслям человеческих знаний. Лапшина всё интересовало, от всего он приходил в восторг», – вспоминает Матусовский.

Чудак-Лапшин бросался то в изучение йоги, то в нумизматику, но при этом всею душой оставался верен поэтическому слову. Именно это и влекло совсем юного Мишу Матусовского к этому чудаку. Лапшин писал стихи, ни на что не похожие: «Буря, снежная буря, что ты кружишься, мёрзлую землю буря? Что ты носишься в яростном свисте, всё стараясь с ума нас свести, и о ком ты печалишься и тоскуешь о ком, глядя в наши глаза ледяным своим оком? Ни тропинки в степи, ни курганы, ни рвы успокоить не могут твои раздражённые нервы. Буря, белая буря, перестань мести на одном месте, дай нам передохнуть, чтоб не передохнуть» (воспроизводит Матусовский по памяти, поскольку записей и публикаций не сохранилось).

Писал Лапшин и палиндромы, а также панторифмы, демонстрируя изрядную оригинальность стихосложения. «Мне и сейчас кажется, что в этих стихах что-то было», – замечает Матусовский. Но, конечно, в провинциальном Луганске 30-х годов интеллектуальную утончённость Лапшина не оценили. «Как вы понимаете, такой человек был самым подходящим объектом для проработок, которые то и дело сотрясали жизнь нашей литературной околицы. Если в Москве начиналась борьба с формализмом, то и у нас хотели найти своего формалиста, и, само собой разумеется, таким оказывался Лапшин. Если в столице долбали конструктивистов, заманчиво было и у себя дома вскрыть явления конструктивизма. Имя Лапшина склонялось на всех собраниях, без него не обходилась ни одна резолюция», – с горькой иронией пишет Матусовский.

Проработки в 1930-е годы были не столь безобидными, и третирование Лапшина дало свои плоды. Добродушный чудак-интеллектуал стал подозревать за собой слежку, им овладела мания преследования. А потом его увезли санитары и удивительные эксперименты Лапшина со словом остались лишь в памяти юного Миши Матусовского, бережно пронёсшего их через всю жизнь для добрых, проникнутых грустью страниц «Семейного альбома».

Конечно, Лапшин был одной из крайностей. На другой стороне, по мнению Матусовского, был некий поэт Забуров, «отличавшийся трезвостью ума и прямолинейностью суждений». О нём он исчерпывающе, не скупясь на краски пишет: «Он прятал под молодёжной кепкой лысину, захватывающую, как лесной пожар, всё большую территорию, носил портупею через плечо и гимнастёрку без знаков различия, с военным щегольством расправляемую так, что все складки приходились на спину, и писал стихи, призывающие к борьбе с прорывом в угледобывающей промышленности. Усвоив несколько ходовых технических терминов, особенно часто употребляя слово “на-гора”, он ни разу не спустился в шахту». Как видим, перед нами – типичный приспособленец-графоман, с твердолобой уверенностью пробивающий себе путь в литературу, в которой не смыслил ровным счётом ничего. «Забуров считал Есенина кулацким подпевалой, а у Блока признавал только “Двенадцать”», и то с оговорками, не прощая ему появления Христа в конце поэмы. Всё, что было недоступным его пониманию, что хоть в малейшей степени не соответствовало его вкусам, раздражало его и казалось направленным против него лично. Потрясая листками со строками Лапшина, Забуров приходил в бешенство», – вспоминает Матусовский, отмечая, что больше всего Забуров свою ярость изливал на бедного чудака.

«Это сейчас я пишу спокойно и даже позволяю себе иронизировать на его счёт, а тогда, ежели говорить положила руку на сердце, мы смертельно боялись Забунова, боялись его сверлящего, знающего о нас больше, чем мы знаем о себе сами, взгляда, его сиплого, сорванного голоса, его полувоенной формы и пояса, на котором, по идее, должен был бы висеть пистолет, но пистолета, к счастью, не было», – отмечает Матусовский, делая вовсе не прозрачный намёк. Да, именно такие вот «забуновы» сыграют свою чёрную роль в роковом 1937 году. Лютая зависть, тупость, бесчеловечность, заскоружное стремление к тщеславию подтолкнёт их к доносам. А другие, их братья-единомышленники, не дрогнувшей рукой вынесут и исполнят приговор, губя тысячами невинные жизни.

История с Забуновым в воспоминаниях Михаила Матусовского имеет абсолютно закономерное продолжение. В годы Великой Отечественной Матусовский был военкором на Северо-Западном фронте. И там оказалось, что на станции Дно гитлеровцы организовали издание «русской» газеты, где наряду с геббельсовской ложью печатались предупреждения комендатуры всем местным жителям о «неминуемой смерти» за непослушание. «И среди этого газетного мусора были оттиснуты стишки во славу гитлеровского воинства, несущего освобождение народу России, трусливо подписанные псевдонимом “Русский крестьянин”. Я сразу узнал стих Забунова. Тематика изменилась, но стиль был тот же», – вспоминает Матусовский.

Такова закономерная эволюция блюстителей «партийности» в литературе: от стихов о шахтёрах и травли несчастных чудаков к предательству Родины. «...Старый немецкий китель донашивает», – лаконично завершает рассказ Матусовский.

И наш рассказ также движется к логичному финалу. Из разрозненных, чудом уцелевших кусочков удаётся собрать картину литературной жизни Донбасса 20–30-х годов прошлого века. Времени трудного и противоречивого. Соприкасаясь с ним, можно ощутить и жар донбасскихстроек, и энергичный творческий порыв десятков писателей, творивших литературу края. Далеко не всё было правильным тогда. Но когда, в какие времена люди жили без ошибок и заблуждений?

Мне же кажется, что ценны здесь любые имена, любые детали – для ясного и осмысленного понимания бытия человека того времени. К тому же, как нам кажется, удивительным образом многое из прошлого сопоставимо с нашим днём, хотя, безусловно, много различий. И в этом сопоставлении «как я...», «у моих родных похоже...» мы больше и глубже понимаем самих себя, видим свои ошибки. Это хорошо, поскольку учит нас человечности.